

ИСТОРИОГРАФИЯ

Валентин Андреевич Гавриличев

Н. М. Лукин и его роль в развитии советской историографии Великой французской революции

Французский ежегодник 1964

М.: Наука. 1966. С.254-273

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Академик Николай Михайлович Лукин (1885—1940) — выдающийся советский историк, большевик-ленинец был широко эрудированным ученым, плодотворно занимавшимся исследованием самых различных проблем новой истории. Очень важное место в его научных интересах занимала проблема Великой французской буржуазной революции конца XVIII в. В 1938 году Н. М. Лукин был незаконно репрессирован и почти 20 лет его имя не упоминалось.

Академия наук СССР сделала доброе дело, издав после XX съезда КПСС «Избранные труды» Н. М. Лукина в трех томах¹. В предисловии к первому тому дана краткая, но содержательная характеристика многосторонней научной и общественно-политической деятельности Н. М. Лукина². Данная статья ставит задачу показать роль Н. М. Лукина в развитии советской историографии Великой французской революции.

I

Николай Михайлович Лукин как историк начал свою деятельность еще в дореволюционные годы. Очень рано, на студенческой скамье, он решительно и бесповоротно стал большевиком (1904 г.). Н. М. Лукин и В. П. Волгин принадлежали к той немногочисленной группе учеников Р. Ю. Виппера, которая навсегда связала свою судьбу с судьбой революционного пролетариата и в научных исследованиях еще до революции стала исходить из принципов марксизма.

Интерес к французской революции пробудился у Н. М. Лукина очень рано. Его дипломная работа «Падение Жиронды» (1909) была отмечена медалью историко-филологического факультета Московского университета. К сожалению, она не была в свое время опубликована и затерялась. Как

¹ Первый том «Избранных трудов», где переизданы основные работы Н. М. Лукина по истории Великой французской революции, был одобрительно встречен в советской и прогрессивной французской критике (см. «Вопросы истории», 1962, № 4, «Annales historiques de la Révolution française», N 161, Juillet — Septembre 1960, рецензия Альбера Собуля).

² Н. М. Лукин Извбранные труды, т 1 М., 1960, стр 5—12

вспоминал позднее сам Н. М. Лукин, в этой работе он доказывал, что «падение Жиронды надо объяснять массовым движением на почве продовольственного кризиса, который начинается с конца 1792 г. и развертывается в начале 1793 г.»³. Таким образом, уже в первой своей работе Н. М. Лукин заинтересовался социальными движениями народных масс в критический период революции, т. е. той важной темой, которой позднее много и успешно занимался во Франции Альбер Матье.

В эти предреволюционные годы Н. М. Лукин продолжал уделять много сил изучению истории революции, используя все доступные тогда печатные первоисточники. Он накопил большой фактический материал, тщательно его продумал. Вот почему сразу же после революции 1917 г. он выступил в качестве крупнейшего знатока Великой французской революции.

Но прежде чем Н. М. Лукину удалось опубликовать первые исследования, он использовал свои большие знания в превосходных публицистических статьях, соединявших большевистскую убежденность с подлинной научностью. Поэтому анализ работ Николая Михайловича в области истории революции необходимо начинать со статей, появившихся в большевистской прессе 1917—1918 гг.

Ученый-большевик, Н. М. Лукин активно участвовал в подготовке победы Великого Октября⁴, публиковал под псевдонимом Н. Антонов (партийная кличка Н. М. Лукина.— В. Г.) многочисленные статьи в московской большевистской газете «Социал-демократ». Но в этой своей публицистической деятельности он оставался историком, в первую очередь, историком самой крупной буржуазной революции.

В статьях, опубликованных после июльских событий 1917 г., Н. М. Лукин многократно обращается к истории французской революции для глубокого разоблачения контрреволюционной политики буржуазного Временного правительства и «директории» Керенского. Так, вскоре после мятежа Корнилова Н. М. Лукин помещает в «Социал-демократе» исторический очерк «Что такое Директория?» Охарактеризовав французскую Директорию 1795—1799 гг. как «переходную ступень от демократической республики к монархии», как свидетельство того, что «контрреволюция никогда не останавливается на полдороге», а «идет все дальше и дальше», Н. М. Лукин убедительно показал, что «российская директория», «директория» Керенского неминуемо падет. «Если французская Директория была подготовлена всем ходом великой революции и явилась началом ее упадка, то у нас в России нет объективных данных для торжества крупной буржуазии и землевладельцев»,— писал Н. М. Лукин. Указывая на принципиально иные условия в России в 1917 г. по сравнению с Францией конца XVIII в., и прежде всего на наличие могучего рабочего класса, который «идет во главе революции», на поддержку рабочих многомиллионным крестьянством и армией, Н. М. Лукин делает глубоко правильный вывод, что «контрреволюция... должна быть разбита». Свою статью Н. М. Лукин заканчивает словами: «Полное торжество русской революции не за горами!»⁵.

В первые же недели и месяцы после победы Октябрьской революции Н. М. Лукин ведет страстную научно-полемическую борьбу с представителями меньшевизма, отрицавшими социалистический характер происшедшего переворота. В этот период, как справедливо отмечал Я. М. Захер, «излюбленным аргументом всех наших классовых врагов — от монархистов до меньшевиков включительно» — сделалась тенденциозная аналогия меж-

³ «Труды I Всесоюзной конференции историков-марксистов», т. II. М., 1930, стр. 105.

⁴ О революционной деятельности Н. М. Лукина см.: В. М. Да ли н. Николай Михайлович Лукин.— В кн.: Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 5—6.

⁵ Н. Антонов. Что такое Директория? — «Социал-демократ», 8.IX 1917.

ду Великой Октябрьской социалистической революцией и французской буржуазной революцией XVIII в.⁶

С такой аналогией вскоре после победы Великого Октября выступила меньшевистская печать. Спектатор (М. Н. Нахимсон), позднее отошедший от меньшевиков, в статье «Тerror и хозяйственная разруха» и один из лидеров меньшевизма Мартов в статье «Накануне русского термидора», ссылаясь на «горький опыт» борьбы якобинцев с хозяйственной разрухой, с многочисленными врагами справа и слева, «предсказывали», что «большевистская диктатура» падет так же скоро, как и якобинская диктатура.

Н. М. Лукин на страницах большевистских газет⁷ первым из советских историков дал решительный отпор подобным аналогиям. Он показал всю несостоятельность попыток Спектатора и Мартова «хоронить» пролетарскую диктатуру по аналогии с якобинской диктатурой. Он показал, что якобинская диктатура быстро пала вследствие буржуазно-ограниченного характера ее политики, т. е. по таким причинам, которые не имеют никакого отношения к социалистической революции в России. В условиях буржуазной революции якобинская диктатура могла носить только временный характер, ее падение, Термидор были абсолютно неизбежны. Совершенно иначе обстоит дело с перспективами развития социалистической революции.

«Диктатура большевиков» коренным образом отличается от якобинской диктатуры. Она, подчеркивал Н. М. Лукин, есть «социалистическая диктатура пролетариата, поддерживаемая беднейшим крестьянством»⁸. В отличие от Франции конца XVIII в., где пролетариат как класс еще не вполне сложился и не мог вести за собой крестьянство, рабочий класс России в начале XX в. составляет огромную политическую силу, авангард его организован в марксистскую партию, рабочий класс является революционным руководителем крестьянской бедноты. «При таких условиях восстановление классового господства буржуазии» в России в 1918 г. далеко не столь неизбежно, как во Франции в 1794 г., справедливо писал Н. М. Лукин. «Меньшевики слишком спешат петь отходную Советской власти... «Диктатура большевиков»... не может быть уничтожена с такой же легкостью, с какой пал режим Робеспьера», потому что она опирается на «огромное большинство пролетариата и беднейшего крестьянства, т. е. на огромное большинство трудящегося населения, кровью заинтересованного во всей политике, проводимой большевистскими Советами, а потому и в судьбе большевистской власти»⁹.

Н. М. Лукин заклеймил Мартова и других меньшевистских «прорицателей» как идеологических пособников контрреволюции, пытающихся своими антинаучными аналогиями подорвать у народных масс веру в советскую власть. «Будущий беспристрастный историк запишет имена Мартовых, Черновых и им подобных рядом с именами Родзянок, Алексеевых, и никакие легковесные экскурсии в область истории не спасут меньшевиков от этой участи», — писал он.

Выступления Н. М. Лукина в «Социал-демократе» и «Правде» в 1917—1918 гг., проникнутые несокрушимой верой в торжество социалистической революции, с большевистской непримиримостью разоблачавшие вылазки врагов марксизма, были прежде всего политическими выступлениями пролетарского революционера, преданного ленинской партии. Вместе с тем

⁶ Я. М. Захер. Проблема термидора в свете новейших исторических работ.— «Историк-марксист», 1927, № 6, стр. 236.

⁷ Н. Аитонов. Кое-что об исторических аналогиях.— «Социал-демократ», 24.XI (7.XII) 1917; он же. Историческая экскурсия Л. Мартова.— «Правда», 26 (13), 27 (14).III 1918.

⁸ «Правда», 26 (13).III 1918

⁹ «Правда», 27 (14).III 1918.

эти выступления были для своего времени образцом научного использования исторического опыта. Статьи Н. М. Лукина перекликались с тогда еще неопубликованной ленинской рукописью «Революция типа 1789 или типа 1848 года?», которая решительно предостерегала от нелепой мысли о возможности повторения в России «безвозвратно минувшей социально-политической и международной ситуации 1789 и 1848 годов»¹⁰.

Уже в этих первых печатных выступлениях Н. М. Лукина о французской революции ясно обнаруживалась та важнейшая особенность его творчества, которую академик В. П. Волгин очень точно определял как «редкий пример соединения в одной личности ученого и революционера»¹¹.

После победы Великого Октября Н. М. Лукин принимает самое горячее участие в социалистическом строительстве. Он участвует в организации Социалистической (позднее Коммунистической) академии, работает в комиссии по коренному пересмотру преподавания общественных наук в высшей школе, ведет большую педагогическую работу.

С утверждением Советской власти еще более усилился общественный интерес к французской революции конца XVIII в. Уже в суровые годы гражданской войны широко издаются переводные работы, появляются первые советские исследования и многочисленные популярные брошюры о Великой французской революции¹².

Молодая советская историография рождалась в трудных условиях, в обстановке острой классовой борьбы. Историков-марксистов было очень мало, в вузах преобладали буржуазные ученые, в большинстве своем враждебные марксизму. Поэтому появление первой крупной работы Н. М. Лукина «Максимилиан Робеспьер», заключенной уже в феврале 1919 г., в самый разгар гражданской войны и изданной в том же году в серии «Кому пролетариат ставит памятники», имело особое значение. Необходимо также учесть, что книга, будучи доступной широкому кругу читателей, была оригинальным исследованием, основанным на изучении первоисточников.

Опираясь на высокую оценку Робеспьера, данную Марксом и Лениным, Н. М. Лукин первым из советских историков подробно охарактеризовал революционную деятельность «Неподкупного», неузнаваемо исказженную буржуазными историками. Он показал, как через всю сознательную жизнь Робеспьера «прямой нитью проходит его непоколебимая вера в народ и революцию, преданность демократической Республике...»¹³. Этой преданностью революционной демократии, непримиримой борьбой с феодализмом и контрреволюционной буржуазией Робеспьер, указывает Лукин, вызвал ненависть реакционеров, которая нашла свое отражение в буржуазной историографии. «Буржуазия конца XIX — начала XX в., охваченная страхом перед надвигающейся диктатурой пролетариата, основательно забыла о своем революционном прошлом, она предала проклятью и героям этих битв... Мировой пролетариат, которому предстоит последняя схватка со старым буржуазным миром, отдает должное памяти великих буржуазных революционеров, своей борьбой расчищавших дорогу рабочему классу»¹⁴. Н. М. Лукин показал всю вздорность писаний реакционных и умеренно-либеральных историков, которые «сделали из великого

¹⁰ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 9, стр. 380.

¹¹ В. П. Волгин. Записки об ученых трудах профессора Н. М. Лукина.—«Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 12 и 13 февраля 1929 г.» Л., 1930, стр. 65.

¹² В 1918—1921 гг. издаются в русском переводе сочинения о французской революции К. Каутского, Г. Кунова, В. Блоса, Ж. Жореса и др. В эти же годы пять изданий выдерживает популярная работа историка-большевика И. И. Степанова «Ж. П. Марат и его борьба с контрреволюцией». Ее оценку В. И. Лениным см. в послесловии автора к 6-му изданию «Марата». М., 1924.

¹³ Н. М. Лукин (Н. Антонов). Максимилиан Робеспьер. М., 1919, стр. 120, 68—69, 123.

¹⁴ Там же, стр. 123—124.

народного вождя какое-то кровожадное чудовище», приписывали Робеспьеру введение террора, явившееся на деле народным требованием¹⁵.

Вместе с тем Н. М. Лукин обратил внимание на ошибочность идеализации Робеспьера со стороны некоторых левых историков, готовых усмотреть в «Неподкупном» предшественника социализма и защитника пролетариата¹⁶. Проанализировав социально-политические взгляды Робеспьера в период Конвента, Н. М. Лукин показал, что вождь якобинцев был «типичным идеологом мелкой буржуазии». Он был хотя и чрезвычайно смелым, но все же *буржуазным* революционером, отстаивавшим интересы рабочих лишь постольку, поскольку они совпадали с интересами демократии вообще¹⁷.

Марксистская характеристика деятельности Робеспьера, данная Н. М. Лукином, и поныне во многом сохраняет свое значение. Но ценность книги этим не исчерпывается. По существу это была первая в советской историографии серьезная попытка показать общий ход французской революции, вскрыть с позиций марксизма ее движущие силы и выяснить подлинную роль либеральной буржуазии. При этом Н. М. Лукин опирался на достижения историков-социалистов — Жана Жореса и Генриха Кунова, автора работы «Борьба классов и партий в Великой французской революции»¹⁸.

В основном марксистские позиции автора (Кунов в период создания книги стоял на левом фланге германской социал-демократии), разоблачившего реакционную сущность взглядов буржуазных и социал-реформистских историков об «исключительной» революционной роли либеральной буржуазии в 1789—1793 гг., его сочувственное внимание к деятельности якобинцев, высокая оценка их аграрной политики, стремление выяснить социальную основу политических партий периода французской революции — все это выгодно отличало Кунова от буржуазных историков. Книга (в ее 1-м издании) получила одобрительную оценку В. И. Ленина, который считал ее «очень хорошей»; он ссылался на нее как на исследование, правильно раскрывающее контреволюционность буржуазного либерализма, которая проявилась уже в период Великой французской революции¹⁹.

Хотя сам Кунов с 1914 г. стоял на типично правосоциалистических позициях, его работа в первые годы Советской власти нашла признание у историков-марксистов²⁰. Н. М. Лукин и другие советские ученые на первых порах считали возможным опираться на труд Кунова.

¹⁵ Н. М. Лукин (Н. Аntonов). Максимилиан Робеспьер, стр. 116—117.

¹⁶ Там же, стр. 84.

¹⁷ Там же, стр. 84, 82.

¹⁸ G. Kipow. Die Parteien der Grossen französischen Revolution und ihre Presse. Berlin, 1912 (так называлось 2-е, дополненное издание книги, 1-е вышло в 1908 г. под названием «Die revolutionäre Zeitungsliteratur Frankreichs während der Jahren 1789 bis 1794»).

¹⁹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 14.

²⁰ Книга Кунова была очень популярна в первые годы революции, о чем свидетельствует тот факт, что она за короткий срок (1918—1923 гг.) была трижды переведена. Н. М. Лукин дважды писал о работе Кунова. Он подчеркивал главную заслугу Кунова — разоблачение контреволюционной роли либеральной буржуазии в период французской революции (см. Н. Аntonов. Новая книга по истории Великой французской революции. «Правда», 21 (8).III; 28 (15).IV; 19 (6).V 1918).

Высокую оценку работы Кунова как «блестящего образца историко-социологической работы», «лучшей марксистской работы по истории Великой революции» Н. М. Лукин давал и позже, в 1922 г. (см. Н. Лукин. Генрих Кунов. Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789—1794 гг.—«Научные известия», сб. I. Экономика, право, история. М., 1922, стр. 269).

В дальнейшем отношение Н. М. Лукина и других советских историков к книге Кунова изменилось, стало более критическим. Тем не менее вплоть до конца 20-х годов эта работа рекомендовалась широкому читателю в качестве «первой капитальной марксистской работы в области Великой французской революции», где «читатель найдет массу фактов и материалов, которые обходились буржуазными историками...» (см. «Книга и революция», 1929, № 3, стр. 8—9).

Но «Максимилиан Робеспьер», несмотря на небольшой размер книги, был самостоятельным исследованием. Н. М. Лукин дал четкую оценку основных этапов французской революции (чего не сделал Кунов). На конкретном материале Н. М. Лукин показал действительную роль крупной буржуазии в революции. В первые месяцы революции она «ломает устои старого порядка» и закладывает основы нового, буржуазного строя (реформы Учредительного собрания). Однако уже тогда она не забывает «воздвигнуть прочные плотины против всякой попытки демократии двинуть революцию дальше»²¹. Создание буржуазной национальной гвардии из «активных», реакционный октябрьский закон 1789 г. о разгоне «сборищ» вооруженной силой, разгром республиканского движения в 1791 г. (расстрел на Марсовом поле) и многие другие факты свидетельствуют о том, что крупная конституционная буржуазия не желала довести революцию до конца, она пыталась остановить ее на полпути, не решаясь полностью разрушить ни феодализм, ни монархию.

Падение монархии 10 августа 1792 г. последняя руководящая фракция крупной буржуазии — жирондисты, восприняли как «предел», дальше которого революция идти не должна. Н. М. Лукин верно раскрывает причину страха буржуазии перед углублением революции: «Буржуа начинал опасаться за свою собственность: начав с дворянства и духовенства, не доберется ли в своем дальнейшем развитии революция до капиталиста, крупного землевладельца...»²². К весне 1793 г. жирондисты становятся контрреволюционной силой.

Не либеральная буржуазия двигала революцию к решительной победе над феодализмом, а народные массы в силу своего социально-экономического положения: крестьяне хотели уничтожения всех феодальных ловинностей без выкупа, городская беднота — коренного улучшения своего бедственного материального положения²³. Н. М. Лукин уделяет пристальное внимание их выступлениям, показывает, как нарастание крестьянского движения²⁴ и движения городской бедноты в 1789—1792 гг. срывало попытки буржуазии остановить революцию путем сделки со старой властью, ограничиваться реформистским преобразованием феодально-абсолютистской монархии в буржуазно-конституционную. Все основные победы революции над старой властью были обусловлены активным выступлением народных масс: 14 июля 1789 г. «было делом рук парижской демократии», восстание 10 августа 1792 г. подготовлялось «вполне планомерно, подготавливались при этом с низов, вопреки Собранию и парижскому муниципалитету», народное движение весной 1793 г. «в пользу максимума силыо венчай тесно связывалось с движением за очищение Конвента от «бриссотинцев» и привело к их падению 2 июня 1793 г.»²⁵.

В отличие от многочисленных буржуазных историков, изображавших французский народ как «стадо», якобы послушно следующее за «демагогами-якобинцами», Н. М. Лукин первым из советских историков показал, что якобинцы смогли стать смелыми и решительными революционерами только благодаря влиянию на них «снизу». До весны 1793 г. они по существу противостояли установлению всеобщего максимума, требование которого выдвигали «бешеные», и лишь опасность «справа» заставляет якобинцев пойти навстречу экономическим требованиям городской бедноты, чтобы заручиться ее поддержкой в предстоящей борьбе за власть»²⁶. В мае 1793 г., когда Парижская коммуна и Центральный Комитет секций и революционных обществ, отражая настроение санкюлотов, готовят вооруженное

²¹ Н. М. Лукин (Н. Антонов). Максимилиан Робеспьер, стр. 22.

²² Там же, стр. 56.

²³ Там же, стр. 57, главы II, IV.

²⁴ Там же, стр. 32—34, 43—44, 57.

²⁵ Там же, стр. 22, 53, 62—69.

²⁶ Там же, стр. 73.

восстание против Жиронды, якобинцы, наконец, «всесело поддерживали политические и экономические требования крайних левых и постепенно переходя на путь революционной борьбы»²⁷.

Сама якобинская диктатура, по справедливому выражению историка, «не могла продержаться сколько-нибудь долго без поддержки пролетариата и городской бедноты вообще», даже знаменитые «террористические меры в значительной степени диктовались Конвенту и его комитетам «снизу» парижскими секциями и народными обществами»²⁸. Заслуга якобинцев в том, что они, опираясь на активную борьбу народных масс с внутренней и внешней контрреволюцией, «умели организовать сильную власть без всяких соглашений с крупной буржуазией», сумели дать крестьянам то, «что было им обещано Учредительным собранием еще в августе 1789 г.: полную отмену феодального режима»²⁹.

Вместе с тем Н. М. Лукин указывал на буржуазную ограниченность робеспьеристов. Выполнив основные задачи революции, они почти ничего не дали сельской и городской бедноте. Только диктатура пролетариата могла коренным образом улучшить положение трудящихся масс Франции, но она, подчеркивает далее Н. М. Лукин, «была еще невозможна: для этого еще не было необходимых социально-экономических предпосылок»³⁰.

Современный читатель найдет в «Максимилиане Робеспьере» некоторые устарелые положения³¹. Это и понятно: в книге, написанной в 1917—1919 гг., не могли быть учтены многие важные методологические указания В. И. Ленина. Не все вопросы истории революции историк смог решить по-новому; подобная задача в те годы, когда советская историография едва только зарождалась, была явно невыполнимой. Последовательный пересмотр старых концепций сопряжен был с самостоятельной углубленной разработкой проблем революции, что требовало известного времени и коллективных усилий многих историков-марксистов.

При всем том «Максимилиан Робеспьер» сыграл в свое время очень важную роль как в научном плане, так и в плане популяризации истории революции 1789 г. Это была первая серьезная попытка дать большевистское понимание «восходящей» линии в развитии французской революции, показать народные массы как главный ее двигатель, на конкретном материале вскрыть диалектику классовой борьбы во Франции 1789—1794 гг., доказать верность положения В. И. Ленина о том, что «с прогрессом революции изменяется соотношение классов в революции»³². На этой работе воспитывалось первое поколение историков-марксистов.

Эту же идею о решающей роли народных масс в победе и защите завоеваний революции Н. М. Лукин проводил в прочитанном в 1920 г. в Академии Генерального штаба РККА большом курсе лекций «Из истории революционных армий». Этот курс был опубликован в 1923 г. В содержательных, основанных на изучении первоисточников лекциях Н. М. Лукин первым из советских историков дал марксистское освещение революционных войн прошлого, в частности, войн французской революции. В противоположность многим буржуазным историкам, объяснявшим победы плохо вооруженных французских войск 1793—1794 гг. «чудом» или военным гением «великого организатора побед» Карно, Н. М. Лукин вскрывает значение народных масс — крестьянства и городского плебейства в победах

²⁷ Н. М. Лукин (Н. Антонов). Максимилиан Робеспьер, стр. 77 (курсив наш.—В. Г.).

²⁸ Там же, стр. 95.

²⁹ Там же, стр. 90, 200.

³⁰ Там же, стр. 102—103, 114—115.

³¹ Такова, например, ошибочная оценка плебейского движения «бешеных» как отсталого, антикапиталистического течения и т. д.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 277.

над коалицией, показывает направляющую роль Конвента, его комитетов и комиссаров в реорганизации армии, успех которой, в свою очередь, был подготовлен экономическими мероприятиями якобинцев³³.

II

После окончания гражданской войны немногочисленная группа историков-марксистов приступает к систематическому изучению французской революции. Первая половина 20-х годов прошла под знаком создания преимущественно популярных очерков и учебных пособий. Страна остро нуждалась в марксистских учебниках истории, ждать выхода специальных исследований было нельзя, и советские ученые быстрыми темпами создают учебную литературу по истории революции.

Учебники, написанные Ц. Фридляндом, С. Моносовым, Я. М. Захером³⁴ и другими молодыми историками-марксистами, сыграли в те годы значительную роль. Овладевая марксистской методологией, привлекая высказывания В. И. Ленина, они стремились дать новое построение истории французской революции, в корне отличное от буржуазно-идеалистических концепций.

Большой вклад в создание марксистской учебной литературы внес Н. М. Лукин. Его учебник для вузов и совпартшкол «Новейшая история Западной Европы», выросший из лекций, и 2-е дополненное издание «Максимилиана Робеспьера»³⁵ получили в свое время высокую оценку.

В обширной четвертой главе учебника «Новейшая история Западной Европы» в основном были воспроизведены взгляды автора на французскую революцию, изложенные в первом издании «Максимилиана Робеспьера». Но автор внес ряд дополнений: специальные параграфы были отведены критике умеренной политики Учредительного и Законодательного собраний в аграрном вопросе; весьма полезен был параграф о культуре периода французской революции, где убедительно опровергалась версия буржуазной историографии о «вandalизме» якобинцев в области культуры и т. д.

Создание обзорных очерков было предварительным этапом в изучении советскими учеными французской революции. Переходу к углубленному исследованию проблем революции способствовало появление советской школы истории Франции XVIII—XIX вв., которое было связано с созданием новых научных центров, возникших во второй половине 20-х годов благодаря неутомимой организаторской деятельности историков-большевиков Н. М. Лукина, В. П. Волгина и др.

Советская школа историков французской революции проявляла огромный интерес к изучению якобинской диктатуры. Интерес этот был не случаен: вслед за Марксом, Энгельсом, Лениным советские историки видели в якобинстве «один из высочайших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение»³⁶. Они вскрывали идеалистическую сущность работ буржуазных историков о якобинской диктатуре, пересматривали укоренившиеся старые взгляды, создавали новое, марксистское направление в истории этого высшего этапа революции.

Видная роль в этом принадлежала Н. М. Лукину. Руководствуясь указаниями основоположников марксизма, во втором издании «Максимилиана

³³ См.: Н. Лукин (Н. Антонов). Из истории революционных армий. М., 1923, стр. 83—210.

³⁴ См.: Ц. Фридлянд. История Западной Европы (1789—1914 гг.), вып. 1. Харьков, 1923; С. Моносов. История революционных движений (1789—1871 гг.). Харьков, 1924; Я. М. Захер. Великая французская революция. Иг., 1923.

³⁵ Н. Лукин (Н. Антонов). Новейшая история Западной Европы. Учебник для вузов и губсовпартишкол, вып. 1. М., 1923 (2-е изд. М.—Л., 1925); он же. Максимилиан Робеспьер, изд. 2-е, дополненное. М., 1924 (перепечатано в кн.: Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 15—156).

³⁶ В. Ильин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 374.

Робеспьера» и соответствующем разделе «Новейшей истории Западной Европы» он отказался от ошибочного понимания максимума, распространенного в дореволюционной литературе³⁷, и дал ему марксистскую оценку. Он подчеркнул, что «в обстановке острой гражданской войны, тяжелого положения на фронтах и экономической изоляции страны» максимум был «совершенно неизбежной мерой, сыгравшей важную социально-политическую роль. Без установления твердых цен и системы реквизиций излишков хлеба и мяса якобинское правительство не смогло бы снабжать продовольствием ни своей полуторамиллионной армии, ни тех городских санкюлотов, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы с контрреволюцией в 1793—1794 гг.»³⁸ Вместе с тем Н. М. Лукин не был склонен преувеличивать значения максимума; он подчеркивал, что одна только таксация цен не могла коренным образом улучшить положение бедноты³⁹.

Ценные исследования по вопросам якобинской диктатуры и другим проблемам французской революции были созданы под руководством Н. М. Лукина участниками его семинаров в МГУ и в Институте красной профессуры. Так, Р. А. Авербух в небольшой, но содержательной работе⁴⁰ опровергла версию буржуазных и социал-реформистских историков о якобинском терроре как расправе с «невинной беднотой», «мелкотой». На материалах Парижского революционного трибунала она убедительно показала, что на гильотину отправлялись преимущественно враги революции — непрерывно выраставшая из мелкобуржуазных слоев города и деревни новая хищническо-спекулятивная буржуазия.

Истории якобинского клуба были посвящены работы С. М. Моносова, также начатые в семинаре Н. М. Лукина. Печатавшиеся сперва на столбцах «Вестника Коммунистической Академии», позднее вышедшие отдельным изданием статьи С. М. Моносова, основанные на систематическом изучении многотомной оларовской публикации, впервые в советской историографии давали целостное впечатление о борьбе течений и отдельных направлений среди якобинцев.

С. Кунисский и В. Позняков издали под редакцией Н. М. Лукина книгу о судьбе общинных земель в период французской революции. Они вскрыли, в частности, буржуазную ограниченность аграрной политики Учредительного собрания, ущемлявшего интересы крестьян⁴¹.

Из семинара Н. М. Лукина, посвященного историографии французской революции, вышла работа и другого его ученика, В. М. Далина. Он опроверг неправильные взгляды И. В. Лучицкого и Е. В. Тарле о докапиталистическом характере отношений во французской промышленности XVIII в. Вскрыв методологическую несостоятельность взглядов «русской школы», не понимавшей капиталистического характера мануфактуры и связанной с ней мелкой деревенской промышленности, автор на конкретном материале показал, что французская промышленность XVIII в. вступила в мануфактурную стадию развития капитализма⁴². Это марксистско-ленинское

³⁷ Неправильное положение о максимуме как о досадной ошибке, ничего не давшей революции и разрушившей промышленность Франции, подробно обосновывали Е. В. Тарле в своем дореволюционном труде «Рабочий класс Франции в эпоху революции» и французский историк Марион (Мариона в 20 х годах основательно раскритиковал Матье). Е. В. Тарле встал на совершенно правильную точку зрения в 30-х годах в своей книге «Жерминаль и прериаль».

³⁸ Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 125.

³⁹ Там же, стр. 126.

⁴⁰ Р. Авербух. Террористический режим во Франции в 1793—1794 гг.— «Вестник Коммунистической академии», 1925, № 11.

⁴¹ С. Кунисский и В. Позняков. Общинные земли в эпоху Великой французской революции. М., 1927.

⁴² В. Далин. Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII в. в освещении «русской школы».— «Историк-марксист», 1929, № 14.

положение, поддержанное Н. М. Лукиным, имело тем более важное значение, что оно было косвенно направлено и против ошибочной концепции торгового капитала М. Н. Покровского, нашедшей известное отражение в советской исторической литературе 20-х годов, посвященной Великой французской революции⁴³.

Наряду с успешным преодолением ряда укоренившихся буржуазных установок советские ученые в процессе углубленной разработки истории французской революции начинают пересматривать также схемы социал-демократической историографии (Жорес, Кунов и др.).

В середине 20-х годов Н. М. Лукин подверг обстоятельному разбору историческое наследство Жореса. Отмечая его крупные заслуги в изучении социально-экономической и международной истории революции, Н. М. Лукин в то же время вскрыл серьезные недостатки его концепции, обусловленные эклектизмом, попытками «примирить» марксизм с идеализмом. Он показал, что стремление рассматривать историю революции «в духе Маркса и Мишле одновременно» отрицательно отразилось на концепции Жореса: он не сумел преодолеть легенды об «исключительной революционной роли» буржуазии в Великой французской революции, которую впоследствии разрушил Кунов, он затушевывал классовую сущность партий Конвента, особенно Жиронды, недооценил значение якобинского террора и т. д.⁴⁴

Параллельно с критикой концепции Жореса советские историки начинают пересматривать и схему Кунова. Н. М. Лукин еще в 1922 г. отмечал некоторые недостатки работы Кунова, в частности нечеткую оценку социальной сущности робеспьеристов⁴⁵. Серьезную методологическую ошибку Кунова, рассматривавшего движение «бешеных» как антитезу задачам буржуазной революции, как отсталое и даже реакционное движение, показала в 1927 г. ученица Н. М. Лукина — Н. П. Фрейберг. Тщательно изучив собранные в Институте Маркса — Энгельса документы «бешеных», она первая из советских историков правильно поставила вопрос о глубоко революционной роли этого течения, отражавшего интересы городских низов⁴⁶. Работа Фрейберг пробила серьезную брешь в казавшейся до того прочной схеме Кунова. Становилось ясно, что Кунов, развенчив с позиций марксизма легенду об «исключительной революционной роли» либеральной буржуазии, не сумел, однако, понять подлинного значения городских и сельских «низов» как самого революционного класса. В результате плодотворной исследовательской работы советских историков и знакомства с ценным документальным материалом, введенным в научный оборот прогрессивными французскими учеными (А. Матьезом и др.)⁴⁷ Н. М. Лукин уже в 1927 г. пришел к выводу, что данная Куновым «схема классовой борьбы в эпоху Великой французской революции недостаточно обоснована конкретно-историческим материалом»⁴⁸.

⁴³ См., например: Н. М. Лукин (Аntonov). Новейшая история Западной Европы, изд. 2-е, вып. 1, стр. 7, 104; Я. Захер. Робеспьер. М.—Л., 1925, стр. 7—9.

⁴⁴ См.: Н. Лукин. Предисловие к кн. Жореса «История французской революции», т. III, вып. 1. М.—Пг., 1924, стр. 3—16. Перепечатано в кн.: Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 159—177.

⁴⁵ «Научные известия», сб. 1. Экономика, право, история, стр. 268.

⁴⁶ Н. Фрейберг. Декрет 19 вандемьера и борьба «бешеных» за конституцию 1793 года.—«Историк-марксист», 1927, № 6.

⁴⁷ Отмечая важное значение монографии Матьеза «Борьба с дорогоизнаной и социальное движение в эпоху террора», Н. М. Лукин писал, что богатейший материал о позиции эбертистов в продовольственном вопросе, собранный Матьезом, «показывает, насколько ошибочна ставшая ходячей куновская характеристика Эбера как ярого индивидуалиста, противника всяких ограничений, налагаемых государством, человека, глубоко равнодушного к экономическим вопросам, волновавшим городские низы» (Н. Лукин. Новая работа по социально-экономической истории эпохи террора.—В кн.: Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 225).

⁴⁸ Н. Лукин. Великая французская революция в работах советских историков.—«Историк-марксист», 1927, № 5, стр. 201.

Для дальнейшего углубленного изучения истории Великой французской революции большое значение имел решительный поворот советских историков в начале 30-х годов к изучению ленинского наследия. Хотя высказывания В. И. Ленина о французской революции использовались советскими историками и в 20-х годах, однако многие еще недостаточно усвоили ленинскую концепцию французской революции, что приводило к крупным методологическим ошибкам⁴⁹. К началу 30-х годов назрела острая необходимость в решительном повышении теоретического уровня историографии на основе систематического и глубокого овладевания научным наследием В. И. Ленина. В решении этой важнейшей задачи большую помощь оказала работа Н. М. Лукина «Ленин и проблема якобинской диктатуры»⁵⁰.

В этой работе впервые был дан тщательный анализ ленинской концепции Великой французской революции, показаны все основные стороны ленинского подхода к этой теме. Обращение к истории Великой французской революции для Ленина было не академическим занятием, а политической потребностью: в историческом опыте ранних буржуазных революций он «видел прежде всего ценнейший материал для проверки стратегии и тактики русского и международного пролетариата в его настоящих и будущих революциях»⁵¹. Обоснование В. И. Лениным вслед за Марксом и Энгельсом двух типов буржуазно-демократических революций: завершенной, доведенной до решительного конца (революция типа 1789 г.) и незавершенной, половинчатой, не сломившей окончательно феодализма и монархии (революция типа 1848 г.) — явилось большим вкладом в изучение революционной эпохи XVIII—XIX вв.

Наибольший интерес Ленин проявлял к Великой французской революции. «Это, конечно, не случайность,— подчеркивает Н. М. Лукин.— В якобинской диктатуре Ленин видел лучший образец имевших до тех пор место буржуазно-демократических революций... Этот опыт якобинской диктатуры изучался и обогащался Лениным в процессе жесточайшей борьбы с меньшевиками, этими фальсификаторами революционного марксизма». Историк подчеркивал, что изучение Лениным «опыта Великой французской революции, и особенно опыта якобинской диктатуры, несомненно, имело крупнейшее значение при выработке организационных и тактических принципов большевизма. В частности, опыт этой диктатуры сыграл немаловажную роль при построении ленинского учения о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства»⁵².

Показав ярко выраженный политический интерес В. И. Ленина к обобщению опыта французской революции, Н. М. Лукин шаг за шагом раскрывает важнейшие черты Ленина-историка, гениального продолжателя Маркса и Энгельса в изучении революции 1789 г.

⁴⁹ Например, в ходе выяснения причин 9 термидора выдвигались ошибочные, идущие вразрез с ленинским пониманием французской революции взгляды «о реакционности якобинцев в области экономики» и «прогрессивности термидора с точки зрения капитализма», «о „перерождении“ якобитов» и т. д. (см. Ц. Фридлянд. 9-е термидора.— «Историк марксист», 1928, № 7; П. Шеголев. К характеристике экономической политики термидорианской реакции.— «Историк-марксист», 1927, № 4; см. также критическую статью С. Лотте в «Проблемах марксизма», 1931, № 2, стр. 208—214); это заметно было также в понимании характера аграрного строя Франции накануне 1789 г. (см.: Ц. Фридлянд. Итоги изучения Великой французской революции в СССР. М., 1930, стр. 32; Д. Фризман. Против буржуазных влияний на советскую историографию (Агрострой Франции накануне Великой революции 1789 г.).— «Проблемы марксизма», 1932, № 4—5).

⁵⁰ Н. М. Лукин. Ленин и проблема якобинской диктатуры.— «Историк-марксист», 1934, № 1, стр. 99—146; то же в кн.: «Память В. И. Ленина. Сб. статей к 10-летию со дня смерти. 1924—1934» М.—Л., 1934, стр. 695—757 (переиздано в кн.: Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 322—388).

⁵¹ Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 322.

⁵² Там же, стр. 323—325.

В центре ленинской концепции французской революции стоит проблема движущих сил. Н. М. Лукин прослеживает, как на основе опыта революции 1905 г. Владимир Ильич опроверг меньшевистское представление, будто главной движущей силой буржуазной революции является буржуазия. Ленин доказал, что это как будто верное на первый взгляд положение на самом деле оказывается несостоятельным при рассмотрении конкретной истории буржуазно-демократических революций.

В XX в. буржуазия не могла быть главной движущей силой демократической революции в Европе потому, что она стала реакционной как класс, основным двигателем революций, ее гегемоном мог быть пролетариат в союзе с крестьянством, как это и получилось в России 1905—1907 гг. Однако и во Франции XVIII в., когда буржуазия выступала как восходящий, прогрессивный класс и ее противоречия с пролетариатом не достигли остроты, буржуазия, как это показал конкретный исторический анализ, не была главным двигателем победоносной революции.

В чем же дело? Н. М. Лукин обращает внимание на ленинские указания о классовой сущности либеральной буржуазии, которая не может быть самым революционным классом в силу своего экономического положения. Постоянные опасения, что революция вслед за уничтожением феодальной собственности и монархии ликвидирует и крупную буржуазную собственность, приводят к тому, что «либеральная буржуазия не случайно, а в силу коренных интересов ее, стремится к сделке со старой властью, колеблется между революцией и реакцией, боится народа»⁵³, боится демократии и народного движения гораздо больше, чем реакции.

Это общее положение, имеющее силу для всех буржуазно-демократических революций вообще, Ленин применяет и к истории французской революции, показывая, что либеральная буржуазия уже в ходе революции стала обнаруживать свою вражду к демократии и ясную контрреволюционность. А контрреволюционный либерализм, подчеркивал В. И. Ленин в статье «О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы», «именно потому, что он контрреволюционен, никогда не сможет сыграть роли гегемона в победоносной революции...»⁵⁴

Итак, заключает Н. М. Лукин, Владимир Ильич считал, что и революция 1789 г. могла победить только вопреки либеральной буржуазии. Здесь мы подходим вплотную к важнейшему моменту ленинского учения о гегемонии, согласно которому степень победы буржуазно-демократической революции, степень достигаемого ею демократизма целиком зависит от того, «насколько гегемония переходит в решающие моменты национальной истории *не* к буржуазии, *а* к «низам», к «плебейству» XVIII века, к пролетариату XIX и XX веков...»⁵⁵

Н. М. Лукин обращает внимание на работу Ленина «К оценке русской революции», где четко сформулировано важнейшее положение о том, что «только вмешательство крестьянства и пролетариата, «плебейского элемента городов» способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию...»⁵⁶. Вслед за Энгельсом Ленин не раз подчеркивал, что во французской революции на первом месте стояло крестьянство, на втором — плебейство городов. Крестьянство играло решающую роль в революции потому, что «оно прежде всего заинтересовано в ликвидации феодальных отношений, без которой невозможно свободное развитие буржуазных отношений»⁵⁷.

⁵³ Там же, стр. 328—329.

⁵⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 14; см. также: Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 329.

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 283.

⁵⁶ Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 334.

⁵⁷ Там же.

Внимательно анализируя работу В. И. Ленина «Аграрная реформа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», Н. М. Лукин впервые в советской историографии показал, что ленинское учение о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве («прусский» и «американский») вполне применимо к французской революции, которая сделала лишь первый шаг по «американскому» пути. К победе этого пути объективно стремилась деревенская беднота. «Борьба мелкого собственника, фермера-бедняка, сельскохозяйственного рабочего за раздробление дворянских латифундий, за всеобщий передел земли была не чем иным, как робкой попыткой деревенской бедноты перевести великую революцию на «американский путь»⁵⁸.

Второй после крестьянства решающей силой французской революции Ленин считал городское плебейство, «плебейский элемент городов». Н. М. Лукин обращает внимание на первостепенное значение ленинской работы «Социальное значение сербско-болгарских побед», где подчеркнута мысль о том, что, несмотря на буржуазный характер революции XVIII в., рабочий класс был заинтересован в самой решительной победе над старыми порядками. Поэтому даже незрелый, еще не ставший «классом для себя», еще не отделявший себя от демократии пролетариат Ленин считал важной движущей силой революции. «Даже «беспартийные», не организованные в класс рабочие 1789 и 1848 годов были передовыми борцами французской и немецкой революции»⁵⁹, — подчеркивал Владимир Ильич. Н. М. Лукин приводит богатый фактический материал, целиком подтверждающий глубокую правильность ленинской мысли⁶⁰.

Итак, ленинское понимание движущих сил французской революции существенным образом отлично от социал-демократических вульгаризаторских схем. Владимир Ильич на примере «образцовой» революции типа 1789 г. показал, что буржуазное — по своему общественно-экономическому содержанию — освободительное движение не является таковым по своим движущим силам. Основными движущими силами французской революции были народные массы. И если, несмотря на огромные усилия и большие жертвы крестьянства и городского плебса, решительной победы удалось добиться далеко не сразу, то ответственность за это лежит на буржуазии, систематически предававшей демократию, склонявшейся к сделке со старой властью. Плебейским массам необходимо было вырвать гегемонию из рук либеральной буржуазии и благодаря левоблокистской тактике радикально-демократической («низпней», «мелкой») буржуазии и освобождению крестьянства из-под влияния либералов в решающий момент они это сумели сделать, сумели установить диктатуру низов.

Только благодаря переходу гегемонии в 1793—1794 гг. от буржуазии к ее антиподу — народным, плебейским и крестьянским «назам» и приходу к власти демократов-якобинцев, воспитанных, «переобученных» плебейством, удалось наконец, одержать решительную победу над феодализмом, внутренней и внешней контрреволюцией. Вот почему Н. М. Лукин пристально анализирует ленинские взгляды на якобинскую диктатуру. Этот анализ позволил ему показать глубокое раскрытие Лениным специфических особенностей якобинской диктатуры как далекого прообраза революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, как типа диктатуры революционного большинства народа, «левого» блока всех низших классов, открытого В. И. Лениным в период революции 1905 г. Не случайно, конечно, в якобинской диктатуре Ленин видел

⁵⁸ Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 339.

⁵⁹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 22, стр. 186; см. также: Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 344.

⁶⁰ Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 344—353.

диктатуру «низов, т. е. самых низших слоев городской и сельской бедноты»⁶¹.

Отмечая исключительное значение этого ленинского указания, Н. М. Лукин правильно подчеркивает, что его следует применять не вульгарно, не догматически, а творчески. Якобинская диктатура не была чисто неизменным. Внутри нее надо различать три этапа, характеризующиеся разным соотношением социальных сил внутри «левого» блока, хотя у власти все время стояли представители мелкой буржуазии — робеспьеристы.

Н. М. Лукин делит якобинскую диктатуру на следующие этапы: 1) от восстания 31 мая — 2 июня до движения 4—5 сентября 1793 г.— период левого блока всех демократических сил против крупной буржуазии и помещиков; на первом месте в этот период стоит еще крестьянство, на втором — городской плебс; 2) от движения 4—5 сентября 1793 г. до марта 1794 г.— период левого блока революционной мелкой буржуазии с плебейскими элементами города и деревни; решающее влияние переходит к городским «низам» (зажиточное крестьянство выпадает из левого блока, переходит в лагерь контрреволюции); 3) от марта до конца июля 1794 г., когда после разгрома эбертистов давление «низов» на робеспьеровское правительство ослабляется⁶². Ленинская характеристика якобинцев относится ко второму этапу (от сентября 1793 г. до марта 1794 г.). «Именно к этому периоду якобинской диктатуры в наибольшей степени подходит характеристика Ленина французских якобинцев как «якобинцев с народом», с городскими и сельскими «низами», с «плебейскими элементами» города и деревни... — писал Н. М. Лукин. — Именно в этот, второй, период якобинской диктатуры можно и должно видеть в якобинцах представителей «самого революционного класса XVIII века, городской и деревенской бедноты», а в Конвенте — диктатуру... «революционной демократии и революционного пролетариата (от которого демократия не обособлялась и который был еще почти слит с нею)...»⁶³

На конкретном материале Н. М. Лукин показывает, что во второй период якобинская диктатура зашла дальше стоящих перед нею объективных исторических задач⁶⁴, но именно это и способствовало доведению победы над феодализмом до конца, ибо, как говорил Энгельс, «для того чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их, — для этого необходимо было довести революцию значительно дальше такой цели...»⁶⁵

В работе заслуженное внимание уделяется ленинскому пониманию причин крушения якобинской диктатуры и ее исторического значения. Н. М. Лукин показывает, что Владимир Ильич глубоко раскрыл коренное отличие Великой Октябрьской социалистической революции от буржуазной революции 1789 г. во Франции, а «якобинцев начала XX в.» — большевиков — от якобинцев 1793 г.⁶⁶

С полным правом Н. М. Лукин сделал вывод, что «ленинские высказывания о Великой французской революции, в частности о якобинской диктатуре, имеют для нас тройное значение: это одно из орудий борьбы за большевистскую партию и большевистскую тактику, с одной стороны, и одновременно составная часть ленинского учения о диктатуре — с другой. Наконец, в-третьих, эти высказывания, являясь дальнейшим развитием, обогащением мыслей Маркса — Энгельса о французской революции на

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 54; см. также: Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 342.

⁶² Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 359—366.

⁶³ Там же, стр. 365—366.

⁶⁴ Там же, стр. 369—370.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 308—309; см. также: Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 368.

⁶⁶ См.: Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 379—387.

основе опыта русской революции 1905 и 1917 гг., имеют огромное методологическое значение для исследования этой эпохи, далеко еще не изученной с марксистско-ленинской точки зрения»⁶⁷.

Работа Н. М. Лукина «Ленин и проблема якобинской диктатуры» имела важное значение для развития советской историографии Великой французской революции, она сыграла значительную роль в дальнейшем повышении методологического уровня исследований советских историков, в глубоком освоении ими ленинской концепции, в критическом пересмотре старых, искусственных социал-демократических схем и буржуазных концепций. В ней впервые было развито ленинское понимание характера якобинской диктатуры, ее особого типа как своеобразной «лево-блокистской» диктатуры.

Заслуга Н. М. Лукина не ограничивается тем, что он показал выдающееся значение ленинских указаний о Великой французской революции. Он немало сделал и для того, чтобы раскрыть методологические установки Ленина на конкретном материале деятельности сельских «низов» в период якобинской диктатуры. Получив в 1927 г. впервые возможность работать в Национальном архиве Франции⁶⁸, Н. М. Лукин стал готовить монографию «Крестьянство и продовольственная политика революционного правительства». Закончить ее он, к сожалению, не успел, но опубликованные в начале 30-х годов главы⁶⁹ позволяют предполагать, что это было бы, несомненно, чрезвычайно ценное исследование. В этих статьях, основываясь, в первую очередь, на архивном материале, а также на тщательном использовании всей литературы и, в частности, новейших работ А. Матьеза, Ж. Лефевра и др., Н. М. Лукин показывает глубокую правильность ленинского указания о том, что «революция неизбежно терпит поражение, если крестьянство не побеждает кулацкого засилья»⁷⁰.

Впервые в советской историографии на совершение новом, никем до него не изученном архивном материале ученый подробно воссоздал картину ожесточенного сопротивления разбогатевшего за годы революции зажиточного крестьянства продовольственной политике якобинцев, сопротивления, доходившего до вооруженных столкновений с якобинскими отрядами⁷¹.

Могла ли якобинская диктатура сломить кулацкое засилье? Н. М. Лукин дает четкий ответ на этот вопрос: могла, если бы якобинское правительство взяло курс на решительную защиту интересов деревенской бедноты (*mouvriers, ménagers, moissoneurs*), которая помогала ему проводить максимум и реквизиции. Но робеспьеристы были неспособны на это в силу своей классовой природы⁷². Правительственные комиссары, за исключением Лебона, Мора и нескольких других, относились к сельской бедноте враждебно. Оставаясь глухими к требованиям бедноты, якобинцы охотно шли навстречу собственникам, засыпавшим органы власти и Комиссию земледелия ложными жалобами на «лень» поденщиков и батра-

⁶⁷ См.: Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 378.

⁶⁸ Н. Лукин. Выступление на дискуссии «9 термидора» — «Историк-марксист», 1928, № 7, стр. 198.

⁶⁹ Н. Лукин. Борьба классов во французской деревне и продовольственная политика Конвента в период действия 2-го и 3-го максимума.— «Историк-марксист», 1930, № 16, стр. 20—67; он же. Революционное правительство и сельскохозяйственные рабочие в период 2-го и 3-го максимума.— Сб. «На боевом посту». М., 1930, стр. 530—555 (статьи перепечатаны в кн.: Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 230—306).

⁷⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 176 (Курсив наш.— В. Г.).

⁷¹ См.: «Историк марксист», 1930, № 16, стр. 33.

⁷² К этому вопросу Н. М. Лукин вернулся в 1933 г. в рецензии на работу Ж. Лефевра «Questions agraires au temps de la terreur», которой он дал очень высокую оценку (см.: Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 318—319).

ков, на их «непомерную жадность»⁷³. Были принятые жесткие меры против сельскохозяйственных рабочих⁷⁴.

Н. М. Лукин вскрыл непоследовательность и ограниченность политики якобинцев: восстановив против себя революционными чрезвычайными мерами (максимум, реквизиции) зажиточное и среднее крестьянство, робеспьеристы в то же время не могли опереться на неимущие слои деревни и оттолкнули от себя надежнейший оплот революции — деревенскую бедноту. В результате, к середине 1794 г. создавалась одна из важнейших предпосылок для переворота 9 термидора⁷⁵.

Трудно переоценить значение работ Н. М. Лукина. Используя архивные материалы, историк осветил малоизученный вопрос о классовой борьбе, развернувшейся во французской деревне в 1793—1794 гг. в связи с проведением продовольственной политики якобинцев. Он осветил тяжелое положение батраков, поденщиков и других сельскохозяйственных рабочих, показал их борьбу за улучшение материального положения, дал четкую марксистскую оценку политики робеспьеристов, направленной «в интересах собственников против пролетариев и полуурополетариев деревни»⁷⁶.

Н. М. Лукин привел факты, свидетельствующие о зачатках классового сознания у сельских «низов». Обнаруженная им в Национальном архиве прокламация агента дистрикта Тюлль (департамент Коррез) «К истинным санкюлотам города и деревни» является ярким документом, свидетельствующим о том, что уже в 1794 г. во Франции мелькали проекты объединения городской и деревенской бедноты для борьбы с «алчными эгоистами» — кулачеством^{77—78}.

Статьи Н. М. Лукина сохраняют свое значение и в настоящее время. Характерно, что материал исследований Ж. Лефевра и Э. Соро⁷⁹, вышедших после работ Н. М. Лукина, подтверждает выводы советского ученого.

Исследования Н. М. Лукина по вопросу об отношении крестьян к продовольственной политике якобинцев имели важное значение для марксистско-ленинской разработки проблемы 9 термидора.

III

Как уже отмечалось выше, на протяжении многих лет Н. М. Лукин занимался историографией французской революции и вел на эту тему семинар в Институте красной профессуры. В 1927 г. им был опубликован историографический обзор «Великая французская революция в работах советских историков», где он подвел итоги изучению революции 1789 г. в СССР за 10 лет Советской власти, дал краткую, но содержательную оценку работ Г. С. Фридлянда, Р. А. Авербух, Н. П. Фрейберг, С. М. Моносова и других историков-марксистов⁸⁰. Н. М. Лукин неоднократно выступал

⁷³ «На боевом посту», 1930, стр. 537—538.

⁷⁴ Декрет от 16 сентября 1793 г. о принудительном порядке обработки заброшенных полей грозил рабочим-поденщикам, мобилизованным в распоряжение фермеров, за стачку 9-месячным содержанием в оковах; приказ Комитета общественного спасения от 7 февраля 1794 г. предусматривал за отказ сельскохозяйственных рабочих от принудительной мобилизации и за требование повышения зарплаты предание их суду Революционного трибунала (см.: Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 300).

⁷⁵ «Историк-марксист», 1930, № 16, стр. 67.

⁷⁶ Там же.

^{77—78} Там же, стр. 66—67.

⁷⁹ См. G. Le Febvre. Questions agraires au temps de la terreur. Paris, 1932 (русск. перевод вышел в 1936 г.); E. Soreau. La Révolution française et le prolétariat rural.—«Annales historiques de la Révolution française». 1932—1933, № 49, 50, 52, 55. Соро, как и Н. М. Лукин, обращает внимание на тяжелое положение сельскохозяйственных рабочих, приводит интересные факты об их борьбе против предпринимателей, о враждебном отношении якобинцев к поденщикам, батракам и т. д.

⁸⁰ См.: «Историк-марксист», 1927, № 5, стр. 197—205.

с рецензиями на работы отечественных ученых; из них следует отметить превосходную рецензию на книгу Е. В. Тарле «Наполеон»⁸¹.

Очень внимательно следя за зарубежной литературой по истории французской революции, Лукин опубликовал ряд обзоров и рецензий на работы А. Матьеза, Ж. Лефевра, А. Олара, Ф. Вольтерса, С. Уорда и др. При этом он всегда был чужд огульно-нигилистического отношения к трудам буржуазных ученых. Когда в 1929 г. на I Всесоюзной конференции историков-марксистов Ц. Фридлянд в своем докладе объединил либеральную школу Олара и последователей реакционера Ипполита Тэна в «сплошную реакционную массу», Н. М. Лукин выступил против подобного смешивания различных течений буржуазной историографии⁸². Особой заслугой Н. М. Лукина является то, что он впервые обратил внимание советских историков на значение работ Ж. Лефевра и дал тщательный разбор его книги «Аграрный вопрос в эпоху террора».

Очень большое внимание уделял Н. М. Лукин работам выдающегося французского историка, основателя Робеспьеристского общества Альбера Матьеза⁸³. Анализируя его научную деятельность, Н. М. Лукин показал, что наиболее ценные работы Матьеза относятся к 20-м годам — к периоду, когда под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции он занял прогрессивные политические позиции, симпатизировал стране социализма, вел борьбу с реакционной и либеральной историографией. «Именно в этот период и наблюдается наибольшее приближение Матьеза к марксизму»⁸⁴. Н. М. Лукин показал крупные заслуги Матьеза в изучении революции: разоблачение оппортунистической роли в период якобинской диктатуры Даитона и дантонистов, которые стали последней надеждой хищнически-спекулятивной «новой» буржуазии; выяснение важного значения продовольственного вопроса в 1792—1794 гг., подробное освещение социальных движений плебейских масс на почве дороговизны и т. д.⁸⁵ Эти достижения могли быть много большими, указывает Н. М. Лукин, если бы Матьез стал на марксистские позиции.

Однако Матьез оставался эклектиком, «настоящим марксистом никогда не был, хотя и претендовал на таковое звание»⁸⁶. Поэтому он допустил серьезные ошибки в освещении французской революции и в оценке якобинской диктатуры. Ее исторической ограниченности, ее коренного отличия от диктатуры пролетариата Матьез так и не понял. Это очень ярко показал в многочисленных работах, посвященных этому талантливому историку, Н. М. Лукин, подчеркнувший смешение Матьезом якобинизма и большевизма, непонимание им классового характера якобинской диктатуры, ошибочную идеализацию Робеспьера и робеспьеристов. Работа Н. М. Лукина о Матьезе, несмотря на отдельные недочеты⁸⁷, была весьма своевременна и полезна. Она сыграла важную роль в критическом преодолении концепции Матьеза, оказавшей в конце 20-х — начале 30-х годов определенное влияние на некоторых советских историков.

Говоря о роли Н. М. Лукина в изучении истории французской революции, нельзя не отметить его большой работы как редактора ряда тру-

⁸¹ См.: «Историк марксист», 1937, № 1 (то же в кн.: Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 496—505).

⁸² См. выступление Н. М. Лукина на конференции (Сб. «Труды I Всесоюзной конференции историков-марксистов», т. II, стр. 106).

⁸³ Н. Лукин. Новейшая эволюция Альбера Матьеза.— «Историк-марксист», 1931, № 21; он же. Альбер Матьез. «Историк-марксист», 1932, № 3 и др.

⁸⁴ «Историк-марксист», 1932, № 3, стр. 67.

⁸⁵ Там же, стр. 65—67.

⁸⁶ Там же, стр. 60—61, 67.

⁸⁷ В статье Н. М. Лукина спорна периодизация научной деятельности Матьеза, не показано влияние на него Жореса. В оценке эгалитаристских планов якобинцев (вантозские декреты и др.) Н. М. Лукин допустил ошибку, определив их как «реакционную утопию» («Историк-марксист», 1932, № 3, стр. 76).

дов и сборников, посвященных этой проблеме. Н. М. Лукин и Н. П. Фрейберг издали большой сборник документов по критическому периоду Великой французской революции⁸⁸. Этот сборник получил высокую оценку. М. В. Нечкина отмечала, что он «восполняет важный пробел — отсутствие переводных изданий для работы с семинарием по западной истории... Собранный материал взят из многочисленных документальных изданий... Такой тип изданий чрезвычайно нужен специальным семинариям высшей школы»⁸⁹. Сборник «Революционное правительство» до сих пор является ценным пособием для учебной работы студентов в семинарах и спецсеминарах по истории Великой французской революции.

В 1931 г. под редакцией Н. М. Лукина Коммунистическая академия издала сборник статей «Классовая борьба во Франции в эпоху Великой революции», который как бы подводил итог большой научно-исследовательской работы советских историков 20-х годов в этой области. В сборнике были впервые напечатаны статьи С. М. Моносова, К. П. Добролюбского о классовой борьбе в Париже в 1794—1795 гг., содержательное исследование О. Л. Вайнштейна о торговых колониях Франции на Леванте и т. д. В нем были перепечатаны наиболее ценные этюды Г. С. Фридлянда, Н. П. Фрейберга, И. В. Завитневича и других советских историков, а также уже отмечавшаяся нами ценнейшая работа Н. М. Лукина «Борьба классов во французской деревне» и его статьи об А. Оларе и А. Матьезе. В целом выход большого сборника под редакцией Н. М. Лукина был показателем значительных достижений молодой советской историографии французской революции.

В 30-х годах в связи с важными решениями партии и правительства о коренном улучшении преподавания истории в средней и высшей школе Н. М. Лукин принимает активное участие в подготовке большого сборника документов для вузов по новой истории. Сборник вышел в 1933 г. под названием «Эпоха промышленного капитализма в документах и материалах», в 1934 г. вышло переработанное и дополненное издание «Новая история в документах и материалах» (вып. 1). В обоих сборниках значительные разделы были отведены французской революции 1789 г.; наряду с тщательно подобранными документами составители включили туда важнейшие высказывания классиков марксизма-ленинизма о Великой французской революции. Выход указанных сборников документов был серьезной помощью высшей школе, он имел также известное научное значение.

Назначенный в 1934 г. редактором учебника по новой истории для средней школы, Н. М. Лукин принял активное участие в его написании⁹⁰. Ему была тщательно отредактирована вся первая часть учебника (раздел по истории революции был написан Г. С. Фридляндом). Был опубликован макет учебника, но в свет он так и не вышел.

Уже в последние годы своей жизни в связи с подготовкой к 150-летию Великой французской революции Н. М. Лукин написал очень ценное введение к публикации донесений русского посла в Париже Симолина в годы революции, важного источника для изучения первых лет революции, особенно для выяснения связей Екатерины II и царского посольства с королевским двором и французской эмиграцией⁹¹. Нужно отметить также очень содержательную статью Н. М. Лукина о Конвенте, опубликованную в первом издании «Большой советской энциклопедии».

⁸⁸ «Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792—1794 гг.)». Сб. документов. Пер. с франц. Н. П. Фрейберг, под ред. Н. М. Лукина. М., 1927.

⁸⁹ М. Нечкина. Учебная литература по истории классовой борьбы.—«Историк-марксист», 1927, № 5, стр. 170.

⁹⁰ Н. Лукин. О работе над учебником «Новая история».—«Историк-марксист», 1935, № 4.

⁹¹ Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, стр. 431—476.

К концу 30-х годов советская школа историков французской революции потеряла целый ряд своих видных представителей. Преждевременная смерть крупного ученого Н. М. Лукина в самом расцвете творческих сил, была одной из самых тяжелых утрат в рядах историков-марксистов.

* * *

Николай Михайлович Лукин сыграл большую роль в развитии советской историографии Великой французской революции. Вместе с В. П. Волгина он являлся в 20—30-х годах признанным руководителем советской школы историков французской революции, одним из лучших знатоков этой важной проблемы. Его научная деятельность в этой области получила признание не только в нашей стране, но и за границей⁹².

Ученый-революционер, Н. М. Лукин вносил дух большевистской партийности в изучение истории. Важная заслуга Н. М. Лукина состоит в том, что он всегда стремился применять большевистскую, ленинскую оценку движущих сил французской революции, одним из первых ярко показал громадное значение ленинской концепции революции 1789 г. и дал образец ее творческого применения в конкретном исследовании. Работы Н. М. Лукина вместе с трудами В. П. Волгина сыграли значительную роль в становлении советской историографии французской революции; на раннем, сложном пути ее развития они оказывали благотворное влияние на молодых историков-марксистов.

Конечно, оценивая в настоящее время научное наследие Н. М. Лукина, мы найдем в нем спорные и явно устарелые положения. Это и не удивительно: за прошедшие десятилетия изучение французской революции далеко продвинулось вперед.

Однако исследования Н. М. Лукина по аграрной истории французской революции, его работа «Ленин и проблема якобинской диктатуры», его лучшие историографические статьи и очерки полностью сохраняют свое значение и в настоящее время, являясь образцами глубокого анализа исторических фактов и творческого применения основных принципов марксистско-ленинской идеологии к изучению истории Франции конца XVIII в.

В годы культа личности имя Н. М. Лукина было предано забвению. Ныне справедливость восстановлена, партия возвратила исторической науке СССР труды одного из ее лучших представителей. Советские историки будут и впредь воздавать должное академику Н. М. Лукину — большевику-ленинцу, замечательному ученому, внесшему крупный вклад в марксистское изучение одной из важнейших глав истории Франции — Великой буржуазной революции конца XVIII в.

---

⁹² Некоторые работы Н. М. Лукина были переведены во Франции (см., например, N. Loukine. La Révolution Française dans les travaux des historiens Soviétiques.— «Annales historiques de la Révolution française», 1928, N 2, mars — avril. p. 128—138).

Материалы о Лукине и некоторые из его трудов:

A. Адо. Научное наследие Н. М. Лукина и некоторые проблемы истории крестьянства во время Великой французской революции

http://vive-liberta.narod.ru/journal/lukin_ado_fe-81.pdf

И. Галкин. Ранние страницы революционной и научной деятельности Н. М. Лукина

http://vive-liberta.narod.ru/journal/lukin_galkin_fe-81.pdf

В. Дунаевский. Николай Михайлович Лукин. «Портреты историков Время и судьбы»

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/n-m-loukin.pdf>

О роли Лукина в советской школе историков (из дискуссии)

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p94081604.htm>

Н. Лукин. 1-й Интернационал и Парижская коммуна (по неопубликованным документам)

http://vive-liberta.narod.ru/journal/commune_lukin_cs-33.pdf

Н. Лукин. Максимилиан Робеспьер / Избр. труды в 3-х тт. Т. 1

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/robch_mem.htm#lukin

Н. Лукин. Царизм и Французская буржуазная революция 1789 года:

по донесениям И. М. Симолина http://vive-liberta.narod.ru/biblio/luk_simolin.pdf